

ХРОНИКА, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

TIMELINE, EVENTS, FACTS

УДК 323.28:63 (571.1/.5)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ И ПРЕСЛЕДОВАНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ-АГРАРНИКОВ СИБИРИ В 1920–1933 гг.

С. А. Папков, доктор исторических наук
А. С. Донченко, доктор ветеринарных наук
Т. Н. Самолова, кандидат ветеринарных наук

Сибирский федеральный научный центр агrobiотехнологий РАН

Ключевые слова: Сибирь, аграрная экономика, животноводство, специалисты, политика, коллективизация, чистки, кадровый потенциал.

Реферат. Приведен обобщающий анализ советской политики в области сельского хозяйства по кадровым чисткам эпохи сталинизма. Воспроизводятся основные фазы преследований специалистов-аграрников, работавших в сельскохозяйственных научно-образовательных и государственных учреждениях Сибири. Приводятся основные данные о последствиях ряда крупных операций ОГПУ-НКВД, жертвами которых стали сотни работников аграрной сферы – дело о «Трудовой крестьянской партии», о «Заговоре в сельском хозяйстве Западной Сибири» и о кампании преследований периода 1923–1933 гг.

POLITICAL CAMPAIGNS AND PERSECUTION OF AGRICULTURAL SPECIALISTS IN SIBERIA IN 1920–1933

S. A. Papkov, doctor of historical Sciences
A. S. Donchenko, doctor of veterinary Sciences
T. N. Samolovova, candidate of veterinary Sciences

Siberian Federal scientific center of agrobiotechnology of the Russian Academy of Sciences

Key words: Siberia, agrarian economy, animal husbandry, specialists, politics, collectivization, cleaning, personnel potential.

Abstract. The generalizing analysis of the Soviet policy in the field of agriculture on personnel cleaning of an era of Stalinism is resulted. The main phases of persecution of agricultural specialists working in agricultural scientific-educational and state institutions of Siberia are reproduced. The article presents the main data on the consequences of a number of major operations of the OGPU-NKVD, victims of which were hundreds of workers in the agricultural sector-the case of the «labor peasant party», the «Conspiracy in agriculture in Western Siberia» and the campaign of persecution of 1923–1933.

В советскую эпоху политика оказывала огромное влияние на все сферы производственной, научной и общественной жизни страны. Большевицкий режим как идеократическая диктатура систе-

матически производил своеобразную социальную селекцию, устраняя на своем пути «нежелательные элементы» и формируя особый тип общественного устройства в соответствии с партийной догматикой. Уже в начале 1920-х годов кадровые чистки в качестве инструмента социальной инженерии стали непременным атрибутом общественно-политической жизни в научной среде, в учебных заведениях и производственных коллективах, включая и те, что были связаны с деятельностью зооветеринарных служб и подготовкой ветеринарных кадров. Посредством чисток решался вопрос о создании в стране новой социальной базы, новой генерации «красных» специалистов, тесно связанной с формирующейся государственной системой.

В 1923 г. прошла первая чистка в стенах Сибирского ветеринарного института в Омске. Она носила официальное название «политической», поскольку преследовала цель выявить «действительное идейно-политическое лицо» каждого работника, находящегося на советской службе. В 1924 г. в институте усилиями местной ячейки РКП (б) была проведена другая – «академическая чистка», направленная на выявление «неблагонадежных лиц» среди преподавателей и научных сотрудников. Только эти две чистки привели к увольнению и исключению из ветеринарного института более 100 человек из состава преподавателей, сотрудников и студентов. Большинство из них были признаны «политически чуждыми» [1].

На рубеже 1920–1930-х годов процесс принудительной кадровой ротации в форме шумных политических кампаний приобрел особенно широкий размах и привел к непредсказуемым последствиям. Импульсом для него послужила крупная акция по «разоблачению вредительства» инженеров и других специалистов старой дореволюционной школы в Донбассе, вылившаяся в так называемый «Шахтинский процесс» летом 1928 г. Целиком сфабрикованный в кабинетах ОГПУ и сталинского аппарата, этот «заговор» открыл целую серию административных и политических чисток для радикального обновления кадрового состава всех управленческих звеньев научной, хозяйственной и образовательной системы в стране. Состоявшийся в апреле 1928 г. объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б) посвятил «разоблачению» «шахтинских вредителей» специальную резолюцию и фактически провозгласил в стране начало кадровой революции. Шахтинское дело, – заявлял пленум, – «вскрыло новые формы и новые методы борьбы буржуазной контрреволюции против пролетарского государства, против социалистической индустриализации. <...> Обнаруженный заговор вскрывает вопиющие недостатки и ошибки в нашей хозяйственной работе и в самой системе хозяйственного управления, притупление коммунистической бдительности и революционного чутья наших работников в отношении классовых врагов, неудовлетворительность работы по вовлечению рабочих масс в дело руководства производством, отрыв руководящих органов массовых организаций, профессиональных и партийных от повседневных нужд и запросов рабочих и явную слабость партийного руководства хозяйственным строительством» [2].

Решения апрельского пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) 1928 г. открыли путь ряду важных кадровых и политических кампаний, смысл которых состоял в расширении контроля партийных органов во всех областях хозяйственного и научного строительства, а также в переходе к массовому «орачиванию» производственных и научных коллективов учреждений и предприятий посредством «выдвиженчества», т. е. путем назначения на вакантные места, в том числе на руководящие должности, не по деловым или профессиональным качествам, а «пролетарскому происхождению». Такой путь кадрового обновления, по замыслу его инициаторов, предполагал не только значительно расширить социальную основу политического режима, но и должен был придать ускорение общим модернизационным процессам в стране. Было также вполне очевидно, что широкая кадровая перестройка должна была повлечь за собой массовое вытеснение из советских учреждений и предприятий специалистов и работников старой формации – представителей дореволюционной России, которые представлялись как оплот консерватизма, как скрытый потенциал вредительства, саботажа и антисоветских настроений.

Чистка «чуждых элементов» началась в 1928 г. на основании секретных инструкций, рассылавшихся местным руководителям и партячейкам. В результате этой кампании, продолжавшейся и в 1929 г., в земельных органах 17 округов Сибирского края и Ойротской автономной области (Горный Алтай) было подвергнуто детальной проверке 2435 человек. Из них 366 человек (15 %) проверочные комиссии признали подлежащими увольнению. Большинство тех, кто лишился права занимать прежнее рабочее

место (61 человек), проходили по категории бывших «белых и кадровых офицеров», другую группу (55 человек) составляли «лица явно антисоветские». В списке «вычищенных» состояли также три ветеринарных фельдшера и один ветврач [3].

Пройти советскую чистку означало не только подвергнуться унижительной процедуре публичного раскаяния за свое прошлое. Более серьезным итогом становилась опасность приобрести несмываемое «пятно» в биографии и очутиться в особом списке ОГПУ. Чистка оказала разное влияние на судьбы специалистов: для одних она была просто драматическим жизненным эпизодом со счастливым концом, для других – трагическим обрывом карьеры, а потом и самой жизни.

Политика в отношении старых специалистов, проводимая в духе классового противопоставления, подозрительности и враждебности, породила глубокие внутренние противоречия в работе учреждений. В отношениях между людьми возникали острые разногласия и конфликты, усилилось общее недовольство специалистов действиями властей. Оценивая общественные настроения этого периода, одна из официальных сводок, посвященная Омскому ветеринарному институту, сообщала, что «враждебная идеология и деятельность открыто не проявляются, участие некоторых проявляется в своего рода “зубоскальстве” над теми или иными мероприятиями сов. власти» [4].

Однако чем глубже становились социальные преобразования в стране, связанные, прежде всего, с коллективизацией и ее негативными последствиями, тем более острые формы принимали действия советских властей в отношении специалистов старой школы. Официальная кадровая политика начала переходить границы социальной дискриминации, превращаясь в политический террор. Режиму необходимо было найти и представить стране виновников многочисленных провалов, постигших сельскую экономику в результате организационно-хозяйственного хаоса, стихийного самоуничтожения крестьянских хозяйств и распространения эпизоотий.

С 1930 г. по всей стране развернулась новая кампания громких разоблачений различных «вредительских организаций» с участием «бывших людей» – представителей старой интеллигенции и выходцев из «социально-враждебной среды».

В Сибири одной из первых (в начале 1930 г.) была «раскрыта» «организация вредителей в сибирской системе мясозаготовок», состоявшая из 13 человек во главе с заместителем уполномоченного Новосибирской краевой конторы «Союзмясо» К. К. Быковским. По версии следствия, разоблаченная группа представляла собой «филиал общесоюзной организации», которая планировала своими действиями «затормозить развитие социалистического и общественного молочно-животноводческого сектора и индустриализации мясной промышленности». В апреле 1931 г. трех её участников – П. Н. Палферова, М. Я. Заруховича и И. И. Серебрянникова – коллегия ОГПУ приговорила к расстрелу, а остальных – к заключению в концлагерь на сроки от 3 до 10 лет [5].

Но еще большие масштабы имели две другие крупные «спецоперации» ОГПУ, проведенные на территории Сибири в течение 1930–1933 гг., завершившиеся арестами сотен работников различных отраслей аграрной науки и экономики края. Это были операции по делу так называемой Трудовой крестьянской партии (ТКП) и контрреволюционного заговора в сельском хозяйстве.

Аресты по делу филиала ТКП начались в июле – августе 1930 г., после провала первой попытки Сталина силой организовать колхозный строй в деревне. Основным объектом операции были специализированные организации и учреждения края, в которых на протяжении ряда лет велась исследовательская и опытная работа аграрников старой школы, изучалась и обобщалась практика развития фермерского хозяйства. Для целей социалистической коллективизации такие учреждения и специалисты были непригодны и по условиям времени подлежали физическому устранению как некий враждебный лагерь. Аресты по делу ТКП распространились на крупные организации края, большинство которых находилось в Новосибирске и Омске. Это были Сибирское краевое земельное управление (СибКрайЗУ), Сибплан, Сибполеводсоюз, Сибмашсоюз, Сибсельсклад, Управление сельхозкредита, Районное переселенческое управление, сельхозинститут, краевые станции защиты растений, опытные и научно-исследовательские станции. В каждом из них вскрывались «ячейки» заговорщиков либо отдельные «вредители». Составленное по итогам изъятия обвинительное заключение гласило, что «имелись к.-р. ячейки и отдельные члены в окрземууправлениях, на опытных станциях и полях в округах – Омском, Славгородском, Каменском, Томском, Красноярском, Минусин-

ском и Иркутском, а также ячейки в деревнях из числа кулаков-культурников, опытников, связанные с окружными к.-р. ячейками».

Согласно этому же документу, схема построения и состав участников «заговора в сельском хозяйстве Запсибкрая» включала 284 «ячейки», из которых 53 действовали в совхозах, 149 – в колхозах, 29 – в МТС и 53 – в отдельных населенных пунктах. Всего по данному делу было привлечено к уголовной ответственности 2197 человек. Значительную часть обвиняемых в этом сфабрикованном деле составляли специалисты ветеринарных служб и животноводческой отрасли. Наиболее заметными фигурами здесь были работники краевых организаций, зоотехники и ветврачи: зоотехник КрайЗУ, специалист по развитию сибирского молочного животноводства, автор ряда научных работ А. Ф. Брусницын; специалист по коневодству Краевого отделения Коневодтреста СССР Н. Ф. Транковский; зав. сектором кормов краевого объединения животноводческих ферм В. П. Поливанов; старший зоотехник Западно-Сибирского свиноводческого треста Н. И. Платунов; начальник конесовхоза В. Н. Цевловский; старший научный сотрудник СибНИИ молочного хозяйства И. Д. Блохинцев; зам. директора по научной части Сибирской зональной опытной станции по свиноводству Д. И. Чирков; ветеринарные врачи С. Ф. Бахматов, А. В. Астраханский и В. А. Бирюков; П. К. Козодой, И. П. Астафьев, В. С. Воскресенский, Н. К. Баландин, Н. П. Харламова, П. С. Пантилеев, Н. М. Хайкинсон, А. Н. Самарин и др.

По версии следствия, существовала отраслевая контрреволюционная организация по коневодству, охватывающая Коневодтрест, Дальзаготцентр, Концентр, Госконебракераж. Был создан Ойротский филиал (Конесовхоз № 78) и Хакасский филиал (Конесовхоз № 42).

По делу об участии в этой контрреволюционной организации по коневодству были привлечены ветеринарные специалисты: старший ветврач Ойротского ОблЗУ В. Д. Поляков, старший ветврач Усть-Канского Конесовхоза № 78 М. М. Семенов, старший ветврач Конесовхоза № 42 Г. П. Нестеров, ветеринарный фельдшер Барнаульской конебазы Заводконт В. К. Зверев, ветеринарный фельдшер Конесовхоза № 42 И. С. Котцин и др.

Судьба арестованных ветеринаров и других специалистов-аграрников решалась, как обычно, внесудебным порядком – на заседании коллегии ОГПУ (в декабре 1931 г., мае и августе 1933 г.) или на «тройке» ПП ОГПУ Запсибкрая. В результате 976 человек были расстреляны, включая всех ветработников, 1114 – заключены в исправительно-трудовые лагеря и 107 получили освобождение [6].

Эти невообразимые цифры кадровых потерь от действий сталинского карательного аппарата сохранялись втайне до середины 1950-х годов. Полную огласку они получили лишь в современную эпоху. В 1955 г. в ходе расследования действий ОГПУ по делу «О заговоре в сельском хозяйстве Западной Сибири» постановление Коллегии ОГПУ мая 1933 г. было полностью отменено [7].

В апреле 1931 г. перед судом ОГПУ предстали 35 известных сибирских ученых и специалистов-аграрников, так называемое «руководство» краевой организации Трудовой крестьянской партии. Возглавлял этот список директор Западно-Сибирской опытной станции и председатель Омского сельскохозяйственного общества, консультант НИИ Крайплана С. С. Марковский и краевой агроном, профессор И. И. Осипов. Их обвинили в «реставрации капитализма», в том, что они, пробравшись на ответственные посты в сельскохозяйственных органах края, создавали всевозможные льготы для поддержки «кулаков» в ущерб коллективным хозяйствам, а также готовились к свержению советской власти.

Решением коллегии ОГПУ от 20.04.1931 профессор В. В. Сабашников – директор Красноярской опытной станции и Г. Н. Скалозубов – директор Минусинского опытного поля были расстреляны, а остальные осуждены лишением свободы сроком от 3 до 10 лет. Однако почти все из них, отсидев срок, в 1937 г. были вновь репрессированы и расстреляны при новой волне террора и чисток в сельскохозяйственных органах Сибири.

В 1932 г. общее число осужденных должностных лиц составляло в Сибирском крае 17759 человек, в 1933 г. – 23844, а в 1934 г. их стало уже 25085 человек.

Составной частью грандиозной кампании «борьбы с вредительством в сельском хозяйстве» стала отдельная операция по «разоблачению» ученых-ветеринаров. В марте 1931 г. работники ОГПУ объявили о раскрытии так называемого «дела о контрреволюционной вредительской организации в

области ветеринарии». В Омске 7 марта 1931 г. был арестован директор Сибветбактина профессор А.Н. Чеботарев¹.

Вместе с ним в следственной тюрьме ОГПУ оказались заведующий Омской противочумной станцией К.И. Ростов², директор Омского биокомбината А.А. Иванов³, профессор ОмВИ А.Д. Бальзаментов⁴, профессор ОмВИ А.Д. Васильевский⁵, заведующий кафедрой ОмВИ Д.В. Соколов⁶, заведующий отделением биокомбината А. А. Любушин⁷, заведующий цехом противочумной станции С.К. Гудков⁸, заведующий Иркутской ветбаклабораторией М.А. Ларионов⁹ и заведующий кафедрой Белорусского ветеринарного института К. Л. Марсальский¹⁰. Чекистское следствие продолжалось до середины 1931 г.

¹ **Чеботарев Александр Николаевич** (1883–1941) В 1900 г. окончил Казанский ветеринарный институт. В 1900–1913 гг. - ассистент Казанского ветинститута, уездный ветврач в Тургайской области, заведующий Оренбургским ветеринарно-бактериологическим кабинетом. В 1913 – 1919 гг. заведующий Ялуторовской опытной ветеринарной станцией и преподаватель Тобольской ветеринарно-фельдшерской школы. В 1920 г. - заведующий Краевой Западно-Сибирской ветеринарно-бактериологической лабораторией, в 1921–1931 гг. – директор Сибирского ветеринарно-бактериологического института (Сибветбактин). В 1931 г. арестован ОГПУ по обвинению в контрреволюционной вредительской деятельности, осужден на пять лет концлагерей. После освобождения преподавал в Омском ветеринарном институте. В 1958 г. реабилитирован.

² **Ростов Константин Иванович** (1886 г. р.). Уроженец г. Сызрань, ветврач. В 1918–1919 гг. служил ветврачом в белой армии. С 1921 по 1931 г. – заведующий Омской противочумной станцией. Арестован по делу «вредительской организации» 04.03.1931. Постановлением Коллегии ОГПУ от 07.12.1931 приговорен к трем годам концлагерей.

³ **Иванов Александр Александрович** (1882 г. р.). Ветеринарный врач. В 1906 г. окончил Казанский ветеринарный институт. С 1906 по 1911 г. - ветврач в Томской губернии, с 1911 по 1918 г. – ветврач в г. Новониколаевке. В 1918–1919 гг. был мобилизован и служил в армии адмирала Колчака. С 1922 по 1929 г. заведующий эпизоотической группой, затем заведующий Ветеринарным отделом Сибирского земельного управления. В 1930 г. назначен на должность технического директора вновь созданного Омского биокомбината. В апреле 1931 г. арестован по обвинению в контрреволюционной антисоветской деятельности. Постановлением коллегии ОГПУ от 07.12.1931 заключен в концлагерь сроком на 10 лет. Посмертно реабилитирован в мае 1958 г.

⁴ **Бальзаментов Арсений Дмитриевич** (1892 г. р.). Уроженец Ярославской губернии, ветврач. Окончил Казанский ветеринарный институт. В годы Гражданской войны служил ветврачом в армии Колчака. В 1920– 1940-е годы - профессор Омского ветеринарного института. Арестован 04.03.1931 по делу «вредительской организации». Постановлением Коллегии ОГПУ от 07.12.1931 приговорен к трем годам лишения свободы условно. Был освобожден. Повторно арестован 23.02.1953. Осужден 3.09.1953 Судебной коллегией по уголовным делам Омского областного суда за антисоветскую деятельность по статье 58-10,11,13,14, приговорен к заключению в ИТЛ на 25 лет. Постановлением Пленума Верховного суда Союза ССР от 1.06.1955 освобожден, дело прекращено за недостаточностью обвинения. Реабилитирован (Архив управления ФСБ (МВД) РФ по Омской области. Д. 6809, Т. 1, Л. 479, Д. 6109, Л. 41, 62, 74).

⁵ **Васильевский Алексей Дмитриевич** (1889 г. р.). Уроженец Саранского уезда Пензенской губернии, ветврач. Образование высшее. В годы Гражданской войны служил ветврачом в армии Колчака. В советское время – ассистент Омского ветеринарного института, с 1925 г. - профессор. Арестован 04.03.1931 по делу «вредительской организации». Постановлением Коллегии ОГПУ от 07.12.1931 приговорен к трем годам лишения свободы условно. Из-под ареста освобожден.

⁶ **Соколов Дмитрий Васильевич** (1889 г. р.). Уроженец Вологодской губернии. Ветврач. Окончил Омский ветеринарный институт в 1921 г. В годы Гражданской войны служил в армии Колчака. В 1920-е годы - заведующий кафедрой частной патологии и терапии внутренних болезней домашних животных в ОмВИ. Арестован 16.03.1931 по делу «вредительской организации». Постановлением Коллегии ОГПУ от 07.12.1931 приговорен к трем годам лишения свободы условно. Был освобожден.

⁷ **Любушин Алексей Алексеевич** (1880 г. р.). Уроженец г. Архангельска. Окончил Казанский ветеринарный институт. С 1905 г. член партии эсеров. В 1914–1915 гг. работал участковым ветврачом в Ишимском уезде. В 1915–1919 гг. - заведующий ветлечебницей в Тюмени. Служил в армии Колчака. С 1922 по 1929 г. - старший ассистент Сибветинститута. Состоял членом Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Арестован 04.03.1931 по делу «вредительской организации». Постановлением Коллегии ОГПУ от 07.12.1931 приговорен к трем годам концлагерей. В июле 1937 г. повторно арестован как участник белогвардейской эсеровской повстанческой организации, 10.10.1937 г. решением тройки УНКВД по Омской области приговорен к расстрелу. Расстрелян. Военным трибуналом СибВО 18.06.1957 реабилитирован посмертно (Архив УФСБ по Омской области. Д. 6576, Л. 153 об, 315, 322).

⁸ **Гудков Сергей Константинович** (1900 г. р.). Уроженец Новгородской губернии В 1926 г. окончил Ленинградский ветеринарный институт. С 1928 г. - заведующий вирусным цехом Омской противочумной станции. Арестован 04.03.1931 по делу «вредительской организации». Постановлением Коллегии ОГПУ от 07.12.1931 приговорен к трем годам концлагерей.

⁹ **Ларионов Михаил Александрович** (1876) Уроженец г. Омска. Ветврач. Работал в Сибветбактине, затем заведующим Иркутской ветбаклабораторией. Арестован 04.03.1931 по делу «вредительской организации». Постановлением Коллегии ОГПУ от 07.12.1931 приговорен к трем годам концлагерей.

¹⁰ **Марсальский Константин Львович** (1889 г. р.). Уроженец г. Симбирска. Ветврач, член партии эсеров с 1908 г. Служил ветврачом в белой армии. С 1920 г. – ассистент Омского ветинститута, затем заведующий сибирезвенным отделением Сибветбактина, с 1926 г. – заведующий кафедрой общей хирургии Белорусского ветеринарного института. Арестован по делу «вредительской организации» 22.04.1931. Постановлением коллегии ОГПУ от 07.12.1931 приговорен к трем годам концлагерей.

«Руководителя организации» профессора Чеботарева сначала допрашивали в Омске, затем в мае перевели в Новосибирск в Экономический отдел ПП ОГПУ, чтобы окончательно оформить материалы о «вредительстве». В обвинительном заключении, подписанном ПП ОГПУ по Запсибкраю Заковским, перечислялись все «преступные действия» ветеринарных врачей. «Вредительской деятельностью, – говорилось в нем, – были охвачены Ветотдел СибЗУ, Сибветбактин (его производственный отдел, реорганизованный в 1930 г. в биокомбинат) и Вет.-Зоотехнический институт, т.е. основные участки ветеринарного обслуживания животноводства. <...> Вредительская организация возникла в период 1920-1923 годов и состояла в основном из вет. работников, выходцев из семей служителей религиозного культа, дворян и чиновничества. В состав к.-р. вредительской организации входили руководители важнейших краевых вет. организаций, профессура и научные работники, связанные между собой общностью работы, идеологии и объединившиеся на почве невосприимчивости советского строя и враждебного к нему отношения...». В обвинении перечислялись также конкретные акции вредительства: «к.-р. саботаж научно-исследовательских работ по актуальнейшим вопросам, связанным с эпизоотическим состоянием Запсибкрая, вредительство в области выработки биопрепаратов, подготовки новых кадров ветработников и руководства общим ветеринарным обслуживанием животноводства»[8].

На заседании Коллегии ОГПУ 7 декабря 1931 г. обвиняемым заочно был вынесен вердикт: Иванов приговаривался к 10 годам концлагерей, Чеботарев – к 5 годам, остальные ветврачи - Любушин, Ларионов, Гудков, Марсальский - получили по 3 года концлагерей, трое - Бальзаментов, Васильевский и Соколов - 3 года условно. Дальнейшая судьба арестованных сложилась по-разному: часть осужденных вскоре получила освобождение и смогла продолжить научно-исследовательскую и преподавательскую карьеру, у других оказалась иная участь. Бывший директор Омского биокомбината А.А. Иванов бесследно исчез; профессор А.Н. Чеботарев отбывал срок заключения в Осинниковском отделении Сиблага НКВД и был освобожден в январе 1935 г. После освобождения он вернулся в институт, был восстановлен в должности заведующего кафедрой микробиологии. Умер в октябре 1941 г.

Трагической жертвой репрессий в этот же период стал бывший руководитель ветотдела СибкрайЗУ и ректор Омского ветеринарного института Александр Федорович Дорофеев. После 1928 г. он работал в Ветеринарном управлении Наркомзема СССР, затем деканом ветеринарного факультета Оренбургского сельскохозяйственного института. В сентябре 1932 г. Дорофеев был арестован по такому же фальшивому обвинению во вредительстве, как и другие ветврачи и профессора. Чекистским «судом» (коллекцией ОГПУ) в декабре 1932 г. его приговорили к расстрелу с заменой казни заключением в концлагерь сроком на 10 лет. Отбывая это наказание в Белбалтлаге НКВД, он умер 15 апреля 1936 г. [9].

Более двух десятилетий сведения о жертвах «заговора в сельском хозяйстве» и ТКП оставались неизвестны вместе с массой других аналогичных дел. В процессе реабилитации в 1950-е годы открылись действительные факты, было проведено детальное исследование документов, свидетельских показаний и восстановлены честные имена невинно пострадавших специалистов. Выяснилось, в частности, что дело о специалистах-аграрниках имело в своей основе некий политический заказ и преследовало такие же цели. В связи с этим бывший сотрудник секретно-политического отдела ПП ОГПУ Запсибкрая, а позднее - начальник УНКВД Алтайского края С.П. Попов (расстрелян в январе 1940 г. по обвинению в организации «необоснованных массовых арестов» и фальсификации уголовных дел) на допросах в январе 1939 г. показывал, что дело о «Заговоре в сельском хозяйстве» было сфальсифицировано от начала до конца Экономическим отделом Полпредства ОГПУ, причем контингент арестованных в большинстве своем состоял из бывших красных партизан и работников сельского хозяйства» [10].

Таким образом, компания террора унесла жизни многих видных деятелей науки и практики. В течение четырех лет (1930-1933) профессиональный кадровый потенциал сельского хозяйства, аграрная наука и ветеринарная служба в Сибири в значительной мере были обескровлены. Потери носили невосполнимый характер. Отрасль лишилась многих авторитетных руководителей и ученых, специалистов-практиков и инициаторов передовых технологий в сельском хозяйстве. Прервалась часть важных исследовательских программ и затормозилось развитие научных школ, а ветеринарная служба страны все последующие годы испытывала острый недостаток ветеринарных кадров. Однако апогей карательных акций приходится на 1937-1938 гг., масштаб которых несравним ни с какой другой предшествующей компанией, в том числе вышеизложенного периода 1923-1933 гг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Сикорский А.Н.* К истории ветеринарного образования Сибири. – Омск, 1970. – С. 18.
2. *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам.* Т. 1: 1918-1928 годы. – М., 1965. – С. 708, 709.
3. *ГАНО.* Ф. Р – 1072. Оп.2. Д.18. Л. 11-12.
4. *ГАНО.* Ф. Р – 61. – Оп. 1. – Д. 1083. – Л. 88.
5. *Архив УФСБ по Новосибирской обл.* – Д. 11516. - Т. 8. – Л. 78.
6. *Архив УФСБ по Новосибирской обл.* – Д. 3591. - Т. 46. – Л. 6.
7. *Архив УФСБ по Новосибирской обл.* – Д. 3591.
8. *Архив УФСБ по Омской обл.* – Д. П-6816. – Л. 392-393.
9. *Архив УФСБ по Новосибирской обл.* от. 15.07.2009.
10. *Архив УФСБ по Новосибирской обл.* – Д. 3591. - Т. 46. – Л. 7.

REFERENCES

1. Sikorskiy A.N. K istorii veterinarnogo orazovaniya Sibiri. – Omsk, 1970, s. 18.
2. Resheniya partii i pravitelstva po hozyaystvennyim voprosam. T. 1: 1918-1928 godf. – M; 1965. – S. 708, 709.
3. GANO. F. R – 1072. Op.2. D.18. L. 11-12.
4. GANO. F. R – 61. – Op. 1. – D. 1083. – L. 88.
5. Arhiv UFSB po Novosibirskoy obl. – D. 11516. - T. 8. – L. 78.
6. Arhiv UFSB po Novosibirskoy obl. – D. 3591. - T. 46. – L. 6.
7. Arhiv UFSB po Novosibirskoy obl. – D. 3591.
8. Arhiv UFSB po Omskoy obl. – D. P-6816. – L. 392-393.
9. Arhiv UFSB po Novosibirskoy obl. ot. 15.07.2009.
10. Arhiv UFSB po Novosibirskoy obl. – D. 3591. - T. 46. – L. 7.